

ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 321

doi: 10.17223/1998863X/71/21

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В КАЗАХСТАНЕ: ИСТОКИ, ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ И УРЕГУЛИРОВАНИЯ

Сергей Владимирович Бирюков¹, Сергей Николаевич Чирун²,
Андрей Валерьевич Андреев³,
Динара Адалетовна Рахимжанова⁴

¹ *Центр российских исследований Восточно-Китайского педагогического университета,
Шанхай, Кумай, birs.07@mail.ru*

² *Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия,
Sergii-Tsch@mail.ru*

³ *Областной телерадиоканал «Кузбасс», Кемерово, Россия, andreev@gtrk.kuzbass.net*

⁴ *Восточно-Китайский педагогический университет,
Шанхай, Кумай, dinarainsta@mail.ru*

Аннотация. Анализируются политические реалии современного Казахстана. Кризисы политического развития в постсоветских странах характеризуются многообразием конкретных форм и проявлений. Сегодняшний Казахстан переживает глубокий системный политический кризис, связанный с ослаблением либо прекращением действия ряда факторов, в течение нескольких десятилетий обеспечивавших стабильное функционирование политической системы страны. Авторы статьи предпринимают попытку комплексного рассмотрения ситуации, которая привела к современному кризису; характеризуется специфика казахстанской ситуации и оцениваются возможные перспективы ее развития.

Ключевые слова: Казахстан, кризисы развития, дефицит ресурсов, социальное напряжение, бонапартизм, консолидация политическая

Благодарности: Эта статья поддержана Центром российских исследований Восточно-Китайского педагогического университета, в рамках проекта Министерства образования Главного исследовательского института гуманитарных и социальных наук для университетов Китая, номер проекта: 22JJD810010.

Для цитирования: Бирюков С.В., Чирун С.Н., Андреев А.В., Рахимжанова Д.А. Политический кризис в Казахстане: истоки, текущее состояние, перспективы развития и урегулирования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 71. С. 225–236. doi: 10.17223/1998863X/71/21

POLITICAL SCIENCE

Original article

POLITICAL CRISIS IN KAZAKHSTAN: ORIGINS, CURRENT STATE, PROSPECTS FOR DEVELOPMENT AND SETTLEMENT

**Sergei V. Biryukov¹, Sergey N. Chirun², Andrey V. Andreev³,
Dinara A. Rakhimzhanova⁴**

¹ *Center for Russian Studies of East China Normal University,
Shanghai, People's Republic of China, birs.07@mail.ru*

² *Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation, Sergii-Tsch@mail.ru*

³ *Kuzbass provincial television and radio channel, Kemerovo, Russian Federation,
andreev@gtrk.kuzbass.net*

⁴ *East China Normal University, Shanghai, People's Republic of China, dinarainsta@mail.ru*

Abstract. The authors of the article make an attempt to comprehensively consider the situation that led to the current crisis. The article characterizes the specifics of the Kazakh situation and assesses the possible prospects for its development. Today's Kazakhstan is experiencing a deep systemic political crisis associated with the weakening or cessation of a number of factors that have ensured the stable functioning of the country's political system for several decades. The mistakes of the previous authorities of Kazakhstan resulted in several waves of social protest. Now the consensus of the elites has been temporarily reached, but only the near future will show how ready the elites of Kazakhstan are for reasonable self-restraint for the sake of maintaining social stability. As can be assumed, the key tasks of the President of Kazakhstan for the near future are to preserve the unity of the political class of the country, prevent the default of the political system and its institutions, avoid the emergence of new mass "protest waves" and stop the pressure from outside, which is unfavorable for the country. The "great political game" around Kazakhstan is far from over for today. Socio-economic problems are not opportunistic, but systemic and structural in nature, and internal destabilization makes Kazakhstan the object of various adverse external influences, which requires an update of the national security strategy. One way or another, today systematic steps are needed to deepen the Russian-Kazakh partnership on the platform of the EAEU and the CSTO, since the balance of forces in the external environment, previously relatively favorable for Kazakhstan, is now upset. Kazakhstan also needs to make adjustments to its socio-economic policy. The question remains whether a liberal model of economic policy suits Kazakhstan, or whether it is necessary to move to a more paternalistic model with a larger set of institutional regulators. Without certainty on this issue, it will be difficult to reduce the social tension that has accumulated in society. The proposal of President Tokayev to reduce the scale of participation of the Kazakh state in the economy (state-owned companies, natural monopolies, corruption environment, etc.) looks rational and justified, but it is also necessary to determine the scale of the presence of the same state in the social sphere and the overall strategy of social policy. A systematic solution to the problem of socialization of young people, their cultural adaptation and their employment (especially in the south) is required, which would make it possible to more effectively manage internal labor migration and reduce the severity of the conflict along the "city-village" line. President Tokayev's idea of sending representatives of talented Kazakhstani youth to Russian technical universities looks reasonable, but does not eliminate the need to modernize the education system in Kazakhstan itself – including school, vocational and university education. It can also be assumed that such a large-scale and deep crisis in Kazakhstan will make Uzbekistan the informal leader of the Central Asian region, while the civilizational influence emanating from Kazakhstan will noticeably weaken. In addition, the trust of the Central Asian countries in each other is highly likely to weaken due

to the unwillingness to become the object of the “export of the color revolution” or simply instability from the nearest neighbors, who have similar problems and fight for the same resources, which can be considered confirmed by the newly aggravated at the beginning of the new year long-term conflict on the Tajik-Kyrgyz border. The latter means that intra-regional integration processes may enter an even deeper crisis. On the other hand, in the event of a successful settlement of the crisis in Kazakhstan, the influence and authority of Russia and China as countries contributing to the preservation of intra-regional stability will increase. At the same time, a lot will depend on the ability of the political elites of Kazakhstan and other Central Asian countries to offer a comprehensive solution to the accumulated internal problems that give rise to such crises.

Keywords: Kazakhstan, development crises, lack of resources, social tension, Bonapartism, political consolidation

Acknowledgments: This paper is supported by the Center for Russian Studies of East China Normal University under the MOE Project of Key Research Institute of Humanities and Social Sciences in Universities of China, Project Number 22JJD810010.

For citation: Biryukov, S.V., Chirun, S.N., Andreev, A.V. & Rakhimzhanova D.A. (2023) Political crisis in Kazakhstan: origins, current state, prospects for development and settlement. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 71. pp. 225–236. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/71/21

Многообразие путей развития процессов политической и экономической модернизации постсоветских обществ и стран является актуальной темой не только для исследователей посткоммунистических транзитов [1. С. 15–37], но и для всех изучающих политические кризисы в переходных обществах, включая постсоветские политические режимы со свойственными многим из них слабостью институтов и конституционно-правовых оснований вкупе с социальными рисками [2. Р. 2–17]. Не меньшее значение для политической науки имеет изучение способности элит и лидеров постсоветских стран регулировать подобные кризисы.

Научный политологический анализ трансформационных политических кризисов, подобных современному казахстанскому, рассматриваемому в качестве case study, представляется авторам актуальной научной задачей, поскольку от результатов и последствий урегулирования этого кризиса зависит не только будущее этого государства, но и протекание политических процессов на всем постсоветском пространстве [3].

Авторы статьи ставят своей задачей анализ истоков и оценку характера современного казахстанского кризиса, а также возможных путей и предпосылок выхода из сложившейся ситуации.

Исходная ситуация и ключевые черты кризиса

Истоком глубоких политических трансформаций в Республике Казахстан стали события декабря 1986 г. в г. Алма-Аты, обусловленные назначением Первым секретарем ЦК Компартии Казахской ССР Г.В. Колбина, официально оцененные тогда как антисоветские выступления [4].

Союзное правительство сделало соответствующие выводы из противостояния, имевшего этнополитическую подоплеку. В июне 1989 г. первым секретарем ЦК Компартии Казахстана назначается Н.А. Назарбаев, ставший менее чем через год, по решению Верховного Совета Республики, президентом Казахстана и утвердившийся в этой должности на всенародных выборах

16 декабря 1991 г. Президент Назарбаев стал архитектором новой политической системы Казахстана, осуществив ряд масштабных преобразований, и выстроил оригинальный политический режим [5. С. 55–72], постепенное уменьшение ресурса которого явилось одной из причин событий зимы уходящего года.

По заключению авторов, на рубеже 2021–2022 гг. Казахстан оказался в ситуации глубокого системного кризиса (политического, социально-экономического, идеологического), который в итоге перерос в массовые протестные выступления и попытку «цветной революции», которая включала в себя элементы сразу нескольких сценариев – случаи стихийного насилия (аналог – Кыргызстан), участие части элит в противостоянии с президентом и саботаж со стороны части государственных чиновников и силовиков (аналог – украинский Евромайдан), акцентируемый многими наблюдателями¹ «исламский фактор» (аналог – Узбекистан, Андижан), освещение событий практически теми же самыми телеграм-каналами из Польши (аналог – Беларусь).

Случившийся в Казахстане политический кризис характеризовался рядом признаков, в целом присущих «цветным революциям»: достаточно грамотная организация действий протестующих вкупе с их мобильностью, готовность участников выступлений к противостоянию полиции и специальным подразделениям, захват ряда властно-административных учреждений (акиматы в девяти городах) и объектов инфраструктуры (аэропорт Алма-Аты и др.), быстрый переход от экономических требований к политическим.

Подобное развитие событий оказалось неожиданностью для многих экспертов. Казахстан долгое время считался своеобразным островком стабильности в масштабах постсоветского пространства, следуя принципу «сначала экономика, потом политика» в течение всего периода своей независимости [6. Р. 401–426]. Страна в течение трех десятилетий избегала «цветных» революций, не имела военных столкновений с соседями, равно как и внутренних вооруженных конфликтов и явных проявлений регионального сепаратизма.

Сегодня Казахстан является второй по совокупному объему ВВП экономикой среди стран СНГ, превосходя по этому показателю соседний Узбекистан почти втрое (170 млрд долларов против 50 млрд), учитывая почти двукратное преимущество Узбекистана над Казахстаном в численности населения.

По показателям ВВП на душу населения (исходя из паритета покупательной способности) Казахстан прочно занимает второе место среди стран СНГ с показателем в 27,5 тыс. долларов США, уступая в этом отношении только России (29 тыс. долларов) и лидируя в Центральной Азии.

В то же время многими исследователями отмечаются несовершенство механизма распределения экономических благ, недочеты в социальной политике и в регулировании трудовых отношений², «блокировка» социальных

¹ Штепушова Л. Политолог Шибутлов о судьбе Казахстана: халифат ИГИЛ* и десятки тысяч погибших // Правда РУ. 09.01.2022. URL: https://www.pravda.ru/world/1673935-kazakhstan_odkb (дата обращения: 01.03.2022).

² Жусупова А. Почему происходит рост социально-трудовых конфликтов в Казахстане? // Central Asian Bureau for Analytical Reporting. 09.12.21. URL: https://cabar.asia/ru/pochemu-proishodit-rost-sotsialno-trudovyh-konfliktov-v-kazahstane?_utl_t=fb&fbclid=IwAR0UCNW04X2yuRUUVCQ4_us8s3IVJ7uEosh6bOfG6Zp17gKjOUHx9UIDLvqY (дата обращения: 01.03.2022).

лифтов вкупе с общей неустойчивостью социальной структуры и сложной социокультурной динамикой привели Казахстан к кризису, потенциал которого долго накапливался и вызвал потрясения на рубеже 2021–2022 гг.

В конечном итоге кризис политической системы Казахстана включает в себя целый ряд более частных кризисов:

1. Кризис доверия граждан Казахстана к политической системе в целом и к отдельным ее институтам, а также к повестке дня, транслировавшейся элитами.

2. Кризис доверия к политическому классу страны в целом в качестве реакции на его фактическое превращение в политическую корпорацию, реализующую собственные приоритеты и интересы.

3. Кризис партийно-политического механизма, связанный с неспособностью основных политических объединений контролировать политический процесс [7. Р. 36].

4. Кризис основных политических платформ и идеологий (не считая популизма) – у значительной части казахстанского общества доверие к ним отсутствует, а программно-идеологические различия основных политических сил слабо влияют на протекающие политические процессы [8. Р. 93].

5. Кризис властно-политического механизма, обусловленный тем, что последний не обеспечивает представительство интересов различных слоев общества, рассматривается как архаичный и несовершенный профессиональными политиками и самими избирателями [9. С. 85].

Обобщенно в Казахстане произошел фактический распад патримониалистского режима, сочетавшего в себе традиционную и легально-бюрократическую легитимность [10. С. 108–121], который пытался в течение длительного периода проводить модернизацию «сверху» – ему в итоге в своей значительной части отказали в доверии как сторонники более глубокой модернизации, так и ранее лояльные традиционалистские слои (из-за отказа государства от патерналистской модели), что предопределило итоговый кризис режима, который невозможно свести к одним только внутриэлитным противоречиям [11. С. 29–33].

Таким образом, в Казахстане в ситуации незавершенного властно-политического транзита на рубеже 2020–2021 гг. произошло соединение кризисов легитимности, доверия и управляемости в масштабах общенациональной политической системы.

Как итог кризиса, оказались размыты, если не подорваны продвигавшиеся президентом Н. Назарбаевым политические смыслы и дискурсы (суверенитет, стабильность, межнациональный и межконфессиональный мир), равно как и отошел в прошлое его патронаж над политическими институтами, политической элитой и основными политическими силами Казахстана [12. Р. 367]. Это было закономерным, поскольку если советские бюрократические кадры «пытались мобилизовать общество, то современные элиты заинтересованы в поддержании его инертного состояния» [13. Р. 13].

Так или иначе, любому казахстанскому лидеру после Назарбаева достаточно сложно взять под контроль систему неформальных пактов, рычагов, согласований, на которые опирался выстроенный им режим, что создает потенциал для кризиса.

Причины современного казахстанского кризиса

1. Сырьевая экономика и значительный разрыв в доходах граждан, который создал действительно нетерпимую для общества ситуацию¹. Сегодня почти половина бюджета Казахстана формируется за счет нефтегазового сектора. Казахстан – классический «петростейт» («нефтяное государство»), пусть и пытавшийся уйти от этого с помощью собственной индустриально-инновационной стратегии. Доля нефти в структуре казахстанского экспорта составляла 58% (на 1 января 2020 г.), что превращает его рентное государство² в дополненное наличием кланово-иерархической системы («свои и чужие»), которая на базе дистрибуции экспортных доходов создает «рентную аристократию» и многочисленные депривированные социальные группы. Помимо этого, по мнению профессора Г.В. Голосова, «казахстанская буржуазия не стала национальным правящим классом в двух смыслах: во-первых, она не национальна, поскольку ее основные материальные интересы связаны с зарубежными активами, а во-вторых, она не правит» [14. С. 19]. Высокие мировые цены на нефть обеспечивали условия для социального маневра, в то время как их падение ослабляло социальные регуляторы и провоцировало кризис. Усугубляли ситуацию прогрессирующая коммерциализация государства, энергокризис из-за популистских мер по регулированию тарифов на рубеже 2022 г., логистические проблемы на границе с Китаем, случившаяся в 2021 г. засуха и вызванный ею неурожай, общее ухудшение инвестиционного климата в стране, феномен воспроизводящейся в нескольких поколениях «трудовой» бедности, проблемы в реализации правительственной программы вакцинации; все перечисленное было дополнено тяжелым состоянием малого и среднего бизнеса, обеспечивающих благосостояние немалой части казахстанцев.

2. Возраставшее в течение ряда последних лет недовольство Н. Назарбаевым как архитектором «персонализированного» политического режима и несправедливого (в богатой ресурсами стране) социально-экономического порядка, главными бенефициантами которого стали представители приближенного к власти крупного бизнеса (о которых говорил вскоре после кризиса президент К. Токаев) и работающие на льготных условиях иностранные компании (прежде всего добывающие) [15. С. 255]. Последние годы недовольство правлением Н. Назарбаева превратило его в главный объект политической критики. Уход Елбасы от власти в 2019 г. не был воспринят частью общества как реальная отставка, поскольку у Назарбаева сохранялся целый ряд пожизненных должностей (включая пост председателя Совбеза).

3. Соседство региона с Афганистаном предполагает множество реальных и потенциальных угроз безопасности Казахстана: это и наркотрафик, и террористическая исламская угроза.

4. Застойные процессы в политике региона «консервируют» потенциальные очаги нестабильности и существующие противоречия, что может, при

¹ «Все поняли, что дальше столько жрать нельзя»: Марат Шибубов о судьбе элит Казахстана // Бизнес онлайн. 16.01.22. URL: <https://business-gazeta.ru.turbopages.org/business-gazeta.ru/s/article/536099> (дата обращения: 01.03.2022).

² Эльсенханс Х. Арабский мир и глобализация: критические замечания. URL: <https://doc-research.org/2017/12/arab-world-globalisation-critical-remarks> (дата обращения: 01.03.2022).

определенных условиях, потенциально привести к региональной политической дестабилизации [16. С. 133].

5. Этатизация политики на протяжении долгих лет способствовало ее известному отчуждению от гражданского общества, и способствовало размыванию символического капитала власти, сформированного за годы правления Н. Назарбаева [17. С. 27].

6. Постоянно возрастающая доля молодежи в структуре населения при продолжающемся демографическом росте в ситуации слабости институтов ее социализации на фоне блокировки «социальных лифтов», что вызывает у молодых аномию и протестные настроения [18].

7. Подъем этнонационализма, отвергающий вариант так называемой мягкой этнократии и продвигающий поэтапное дистанцирование от имперского и советского наследия [19].

8. Усиливающийся религиозный радикализм (салафизм), питательной средой для которого стала все та же провинциальная и сельская молодежь Казахстана, пребывающая в аномической ситуации и превращающаяся в питательную среду для последнего; характерным примером в плане влияния радикалов на молодежь является юг Казахстана, где тесно переплетаются религиозный радикализм, криминализация и клановизм [20. Р. 56–67].

9. Особая роль западных областей Казахстана в генерировании кризиса – нефтедобывающие регионы с высоким уровнем социально-экономической поляризации [21. С. 14–25], являющиеся зоной влияния Младшего жуза и ареалом проживания андайского субэтноса казахского народа (отличающегося высокой пассионарностью) [22. С. 66–72]. Массовые протесты в Казахстане начались в первые дни 2022 г. в городах Жанаозен и Актау, жители которых были недовольны двукратным ростом цен на сжиженный газ (с учетом повсеместной газификации и автомобилей, использующих газолин). В результате в западном регионе фактически произошел паралич органов власти и силовых структур. Затем протесты распространились на другие города, в том числе на Алма-Ату, бывшую столицу и крупнейший город республики («городская герилья»).

10. Роль Алма-Аты – бывшей столицы Казахстана и влиятельного финансового и коммуникационного центра страны, выступившего в качестве эпицентра кризиса. Последнее объяснимо – мегаполис отличается присутствием сил оппозиции и целого спектра неправительственных организаций разного характера, образующих собственные сети влияния [23. С. 229–235]. Демографическое давление юга Казахстана, а также миграция из малых городов и сельской местности за последние десятилетия ощутимо изменили социокультурный облик города. Выходцы из «глубинки» в итоге, испытывая культурный стресс в новой для себя среде, нередко становятся адептами радикальных идей (как националистических, так и религиозных) и потенциальными носителями протестной активности.

Таким образом, Казахстан в силу сырьевого характера экономики, несовершенного механизма распределения и противоречивого характера культурной политики [17] являл собой менее стабильное общество, нежели выглядел внешне. Президенту Назарбаеву долгое время удавалось маневрировать и сглаживать до времени накапливавшиеся противоречия. При этом его поэтапный «отход» от власти не разрешил старых противоречий,

но создал новые в условиях, когда символический капитал власти уменьшился. Экономические проблемы катализировали протест, а ослабленная политическая система не смогла его купировать, что и вызвало в итоге кризис.

Решающим фактором в сложившейся ситуации стала решительность действующего главы государства, который не повторил ошибок и судьбы некоторых из числа постсоветских лидеров. В разгар кризиса, утром 5 января президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев отправил в отставку правительство и возглавил Совбез республики, сместив с этого поста Нурсултана Назарбаева, взяв в свои руки контроль за ходом событий.

На первом заседании Совбеза под своим руководством Токаев охарактеризовал ситуацию в Казахстане как подрыв целостности государства и сообщил, что обратился за помощью в ОДКБ «в преодолении террористической угрозы». Усилия казахстанских силовиков и помощь их коллег из ОДКБ позволили стабилизировать ситуацию в стране, после чего данная миротворческая миссия исчерпала себя и начался переход к внутривнутриполитическому урегулированию.

Предварительные заключения

Политический кризис, пережитый Казахстаном, означает необратимое изменение состояния и качества казахстанской политики и политикума. Казахстан президента Нурсултана Назарбаева закончился (что последний подтвердил в своем телеобращении к народу, обнародованном 18 января 2022 г.), равно как и исчерпала себя прежняя модель внутривнутриполитической стабильности, связанная с лояльностью «лидеру нации» и созданному им политическому порядку.

Президент Касым-Жомарт Токаев, преодолевший (с участием союзников по ОДКБ) возникший кризис, заявив о необходимости проведения ряда реформ, нацеленных на преодоление отчуждения в отношениях общества и государства. Последовавшие за этим политические шаги – замена спикера Мажилиса Парламента и руководителя Администрации Президента РК, кадровые изменения в руководстве силовых структур, в менеджменте Фонда национального благосостояния «Самрук Казына» и на посту мэра «южной столицы», ребрендинг и кадровое обновление правящей партии «Нур Отан» (ныне – «Аманат») были предсказуемы. Успешное переизбрание К. Токаева на пост президента Казахстана в ноябре 2022 г. (с результатом 81% вместо 71% на выборах три года назад) подтвердило рост общественного доверия к политике главы Казахстана.

Сегодня консенсус элит временно достигнут, но насколько он совместим с заявленными К. Токаевым реформами и насколько элиты готовы к разумному самоограничению ради сохранения политической стабильности – покажет только ближайшее будущее. Как можно предположить, ключевыми задачами президента Казахстана на ближайший период являются сохранение единства политического класса [24. С. 136–149], недопущение дефолта политической системы и ее институтов, избежание возникновения новых массовых протестных волн и купирование неблагоприятного для страны давления извне. Очевидно, что потребует модернизации и стратегия многовекторной политики, долгое время реализуемая руководством страны, равно как требу-

ют нового качественного наполнения сотрудничество с Россией в рамках ЕАЭС, ОДКБ и других соглашений и инициатив.

Породившие кризис факторы не исчерпаны. Социально-экономические проблемы страны носят не конъюнктурный, а системный и структурный характер, и внутренняя дестабилизация делает Казахстан объектом разнообразных неблагоприятных внешних воздействий, что требует обновления стратегии национальной безопасности [25. Р. 143].

Остается вопрос, подходит ли Казахстану либеральная модель экономической политики или следует перейти к более патерналистской модели с большим набором институциональных регуляторов, необходимых для уменьшения социального напряжения. Предложение президента Токаева уменьшить масштабы участия казахстанского государства в экономике (госкомпании, естественные монополии, льготы бизнесу и др.) выглядит рациональным и обоснованным, однако важно определить масштабы присутствия государства в социальной сфере и принципы социальной политики.

Требуется системное решение проблемы социализации молодежи, ее культурной адаптации и занятости (в особенности на юге), которая позволила бы эффективнее управлять внутренней трудовой миграцией и снизить остроту конфликта по линии город–село. В конечном итоге, очень многое будет зависеть от способности политических элит Казахстана и других стран Центральной Азии предложить комплексное решение тех накопившихся внутренних проблем, которые порождают подобные кризисы.

Список источников

1. Ачкасов В. А. Транзитология – научная теория или идеологический конструкт? // Полис. 2015. № 1. С. 30–37.
2. Hale H.E. Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective. Cambridge : Cambridge University Press, 2014. Р. 2–17.
3. Розов Н.С. Теория трансформации политических режимов и природа неопатримониализма // Полис. 2015. № 6. С. 157–172.
4. Розов Н.С. Неопатримониальные режимы: разнообразие, динамика и перспективы демократизации // Полис. 2016. № 1. С. 139–156.
5. Ратленд П. Постсоветские элиты России // Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 55–72.
6. Niyazbekov N. Is Kazakhstan Immune to Color Revolutions? The Social Movements Perspective // Demokratizatsiya: The Journal of PostSoviet Democratization. 2018. № 26. Р. 401–426.
7. Baypakov M. The Party System as an Element of Political Modernization of Kazakhstan // Central Asia and Caucasus. 2018. Vol. 19, № 3. Р. 34–48.
8. Nikulina A.A. Prospects of Political Process Development of Kazakhstan and Its Influence on the Eurasian Integration // Scientific journal Political science issues. 2018. Vol. 5. Р. 86–96.
9. Алексеева Т.А., Лошкарёв И.Д., Пареньков Д.А. Дилеммы современной теории политических элит: что дальше? // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 78–93. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.06>
10. Артамонова Ю.Д., Демчук В.А. Современная персонализация политики: новые подходы к анализу // Полис. Политические исследования. 2021. № 6. С. 108–121. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.06.08>
11. Пляйс Я.А. Почему России нужна новая элита? // Обозреватель-Observer. 2015. № 2. С. 29–33.

12. Hus Key E. Elite Recruitment and State-Society Relations in Technocratic Authoritarian Regimes: The Russian Case // *Communist and Post-Communist Studies*. 2010. Vol. 43, № 4. P. 363–372.
13. Aubakirova A. New Silk Road: Opportunities and Threats for Central Asia (a view from Kazakhstan) // *Central Asia and Caucasus*, 2017. Vol. 8, № 4. P. 7–20.
14. Голосов Г.В. Демократия и Россия: инструкция по сборке. СПб., 2012.
15. Подберезкин А.И. Евразийская воздушно-космическая оборона. М.: МГИМО-Университет, 2013. 488 с.
16. Наумкин В.В. Годы, которые изменили Центральную Азию. М.: ИВ РАН : ЦСПИ, 2009. 332 с.
17. Зазнаев О.И. Этнический конфликт и форма правления: современные дискуссии // *Полис. Политические исследования*. 2021. № 1. С. 25–40. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.01.03>
18. Чеботарев А.Е. Политическая мысль суверенного Казахстана: динамика, идеи, оценки. Астана-Алматы, 2015. 512 с.
19. Bitar S., Lowenthal A.F. Democratic Transitions: Conversations with World Leaders. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2015. 468 p.
20. Yazdani E. Foreign relations in Central Asia: a comparison between the soviet and post-soviet era // *Comparative Politics Russia*. 2021. Vol. 12, № 4. P. 56–67. <https://doi.org/10.24412/2221-3279-2021-10040>
21. Сафранчук И.А., Лукьянов Ф.А. Современный мировой порядок: адаптация акторов к структурным реалиям // *Полис. Политические исследования*. 2021. № 4. С. 14–25. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.03>
22. Касович Ю.О. Политика США в отношении Республики Казахстан в контексте проблем ядерного разоружения и создания стратегического партнерства (1990-е гг.) // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2013. № 3. С. 66–72.
23. Чистяков А.И. Военно-техническое сотрудничество России с Белоруссией, Арменией и Казахстаном в контексте формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС) // *Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС*. 2015. Т. 6, № 1 (18). С. 229–235.
24. Недяк И.Л. Концептуализация власти в современном научном дискурсе господства // *Полис. Политические исследования*. 2022. № 1. С. 136–149. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.01.11>
25. Radkevich K.V., Shabaga A.V. Eurasianism and geopolitics: Social mythologemes of space // *RUDN Journal of Sociology*. 2021. Vol. 21, № 1. P. 139–153. doi: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-139-153

References

1. Achkasov, V.A. (2015) Tranzitologiya – nauchnaya teoriya ili ideologicheskii konstrukt? [Is transitology a scientific theory or an ideological construct?]. *Polis*. 1. pp. 30–37.
2. Hale, H.E. (2014) *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 2–17.
3. Rozov, N.S. (2015) Teoriya transformatsii politicheskikh rezhimov i priroda neopatrimonializma [The theory of transformation of political regimes and the nature of neo-patrimonialism]. *Polis*. 6. pp. 157–172.
4. Rozov, N.S. (2016) Neopatrimonial'nye rezhimy: raznoobrazie, dinamika i perspektivy demokratizatsii [Neopatrimonial regimes: diversity, dynamics and democratization prospects]. *Polis*. 1. pp. 139–156.
5. Rutland, P. (2016) Postsovetkie elity Rossii [Post-Soviet elites of Russia]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 3. pp. 55–72.
6. Niyazbekov, N. (2018) Is Kazakhstan Immune to Color Revolutions? The Social Movements Perspective. *Demokratizatsiya: The Journal of PostSoviet Democratization*. 26. pp. 401–426.
7. Baypakov, M. (2018) The Party System as an Element of Political Modernization of Kazakhstan. *Central Asia and Caucasus*. 19(3). pp. 34–48.
8. Nikulina, A.A. (2018) Prospects of Political Process Development of Kazakhstan and Its Influence on the Eurasian Integration. *Scientific Journal Political Science Issues*. 5. pp. 86–96.
9. Alekseeva, T.A., Loshkarev, I.D. & Parenkov, D.A. (2021) Dilemmy sovremennoy teorii politicheskikh elit: chto dal'she? [Dilemmas of the modern theory of political elites: What next?]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 5. pp. 78–93. DOI: 10.17976/jpps/2021.05.06

10. Artamonova, Yu.D. & Demchuk, V.A. (2021) Sovremennaya personalizatsiya politiki: novye podkhody k analizu [Modern policy personalization: New approaches to analysis]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 6. pp. 108–121. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.06.08>.
11. Pleis, Ya.A. (2015) Pochemu Rossii nuzhna novaya elita? [Why does Russia need a new elite?]. *Obozrevatel' – Observer*. 2. pp. 29–33.
12. Hus Key, E. (2010) Elite Recruitment and State-Society Relations in Technocratic Authoritarian Regimes: The Russian Case. *Communist and Post-Communist Studies*. 43(4). pp. 363–372.
13. Aubakirova, A. (2017) New Silk Road: Opportunities and Threats for Central Asia (a view from Kazakhstan). *Central Asia and Caucasus*. 8(4). pp. 7–20.
14. Golosov, G.V. (2012) *Demokratiya i Rossiya: instruktsiya po sborke* [Democracy and Russia: The assembly instructions]. St. Petersburg: [s.n.].
15. Podberezkin, A.I. (2013) *Evraziyskaya vozdushno-kosmicheskaya oborona* [Eurasian aerospace defense]. Moscow: MGIMO- Universitet.
16. Naumkin, V.V. (2009) *Gody, kotorye izmenili Tsentral'nyuyu Aziyu* [Years that changed Central Asia]. Moscow: RAS.
17. Zaznaev, O.I. (2021) Etnicheskiy konflikt i forma pravleniya: sovremennye diskussii [Ethnic conflict and form of government: Contemporary discussions]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 1. pp. 25–40. DOI: 10.17976/jpps/2021.01.03.
18. Chebotarev, A.E. (2015) *Politicheskaya mysl' suverennogo Kazakhstana: dinamika, idei, otsenki* [Political thought of sovereign Kazakhstan: Dynamics, ideas, assessments]. Astana-Almaty: [s.n.].
19. Bitar, S. & Lowenthal, A.F. (2015) *Democratic Transitions: Conversations with World Leaders*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
20. Yazdani, E. (2021) Foreign relations in Central Asia: a comparison between the soviet and post-Soviet era. *Comparative Politics Russia*. 12(4). pp. 56–67. DOI: 10.24412/2221-3279-2021-10040
21. Safranchuk, I.A. & Lukyanov, F.A. (2021) Sovremennyy mirovoy poryadok: adaptatsiya aktorov k strukturnym realiyam [Modern world order: Adaptation of actors to structural realities]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 4. pp. 14–25. DOI: 10.17976/jpps/2021.04.03.
22. Kasovich, Yu.O. (2013) Politika SShA v otnoshenii Respubliki Kazakhstan v kontekste pro-blem yadernogo razoruzheniya i sozdaniya strategicheskogo partnerstva (1990-e gg.) [US policy towards the Republic of Kazakhstan in the context of the problems of nuclear disarmament and the creation of a strategic partnership (1990s)]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki*. 3. pp. 66–72.
23. Chistyakov, A.I. (2015) Voenno-tehnicheskoe sotrudnichestvo Rossii s Belorussiei, Armeniei i Kazakhstanom v kontekste formirovaniya Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza (EAES) [Military-technical cooperation between Russia and Belarus, Armenia and Kazakhstan in the context of the formation of the Eurasian Economic Union (EAEU)]. *Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANKhiGS*. 1(18). pp. 229–235.
24. Nedyak, I.L. (2022) Kontseptualizatsiya vlasti v sovremennom nauchnom disкурсе gospodstva [Conceptualization of power in the modern scientific discourse of domination]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 1. pp. 136–149. DOI: 10.17976/jpps/2022.01.11
25. Radkevich, K.V. & Shabaga, A.V. (2021) Eurasianism and geopolitics: Social mythologemes of space. *RUDN Journal of Sociology*. 21(1). pp. 139–153. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-139-153

Сведения об авторах:

Бирюков С.В. – доктор политических наук, профессор, Центр российских исследований Восточно-Китайского педагогического университета (Шанхай, Китай). E-mail: birs.07@mail.ru

Чирун С.Н. – доктор политических наук, доцент, Кемеровский государственный университет (Воронеж, Россия). E-mail: Sergii-Tsch@mail.ru

Андреев А.В. – кандидат политических наук, Гендиректор областного телерадиоканала «Кузбасс» (Кемерово, Россия). E-mail: andreev@gtrk.kuzbass.net

Рахимжанова Д.А. – аспирант факультета политики Восточно-Китайского педагогического университета (Шанхай, Китай). E-mail: dinarainsta@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Biryukov S.V. – Dr. Sci. (Political Sciences), professor, Center for Russian Studies of East China Normal University (Shanghai, People’s Republic of China). E-mail: birs.07@mail.ru

Chirun S.N. – Dr. Sci. (Political Sciences), associate professor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: Sergii-Tsch@mail.ru

Andreev A.V. – Candidate of Political Sciences, General Director of the Provincial television and radio channel “Kuzbass” (Kemerovo, Russia). E-mail: andreev@gtrk.kuzbass.net

Rakhimzhanova D.A. – postgraduate student of the Faculty of Politics, East China Normal University (Shanghai, People’s Republic of China). E-mail: dinarainsta@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.12.2022;
одобрена после рецензирования 14.01.2023; принята к публикации 21.02.2023*

*The article was submitted 26.12.2022;
approved after reviewing 14.01.2023; accepted for publication 21.02.2023*